307

№3
1907 г.

Художественно-литературный и сатирический
ЖУРНАЛЪ

ГНОМЪ

Выходитъ еженедѣльно

ЦѢНА 15 к.

308

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1907 годъ
на литературно—художественный и сатирическій журналъ
„ГНОМЪ“.

Издается отъ 3-хъ до 5-ти разъ въ мѣсяцъ, въ г. Екатеринбургѣ; журналъ печатается въ краскахъ.

Програма журнала: 1) литературный отдѣлъ: а) передовыя статьи; б) фельетонъ; в) по Россіи; г) по Уралу; д) корреспонденціи; е) перепечатки изъ газетъ и журналовъ; ж) мѣстная хроника; з) избраныя телеграммы; 2) сатирическій и юмористическій отдѣлъ: а) сатира на общія и мѣстныя темы въ прозѣ и стихахъ и рисункахъ; б) отдѣлъ по Уралу; в) смѣхъ сквозь слезы г) галлереи общественныхъ дѣятелей; д) иностранное остроуміе на русскія темы; е) хроника; ж) письма „Гномовъ“; 3) мелочи и разныя разности; и) почтовый ящикъ; і) объявленія.

Подписная цѣна: на годъ **5** р.; на $^1/_2$ года **3** руб. на 3 м.—**1** р. **75** к. и на 1 м.—**65** к. съ доставкой и пересылкой.

Лица, подписавшіяся не менѣе, чѣмъ на полгода, будутъ получать ежемѣсячныя приложенія, въ видѣ книжекъ.

Контора редакціи помѣщается въ г. Екатеринбургѣ; Покровскій просп. д. Зурмъ.

Приглашаются сотрудники. Редакція проситъ всѣхъ лицъ, желающихъ корреспондировать, не стѣсняться формой изложенія сообщеній. Присылаемыя карточки по использованіи будутъ возвращаться лицамъ, ихъ прислвшимъ.

Редакторъ—Издатель В. С. Мутныхъ.

Екатеринбургъ 23 января.

Побѣдили эсъ-дэки.

Побѣдили не нашутку: ихъ списокъ прошелъ полностью; всѣ тринадцать кандидатовъ, выставленныхъ эсъ-дэками, получили наибольшее число голосовъ.

Такимъ образомъ провалились кадеты, провалились истинно русскіе люди съ самимъ Казицинымъ во главѣ, провалился самъ владыка Уральскаго горнаго міра, генералъ Боклевскій, выставившій свою кандидатуру рядомъ съ отставнымъ жандарскимъ вахмистромъ Усачевымъ.

Надо ли упоминать, что провалились и провалились постыднѣйшимъ образомъ смирнообновленцы. Выставленные ими кандидаты—смирнообновленцы, чистой воды-получили менѣе 200 голосовъ, а пять внѣпартійныхъ прелюбодѣевъ-кадетовъ, вступившихъ въ незаконное сожительство съ смирнообновленцами, тоже оказались наказанными за свое вѣроломство и прелюбодѣяніе и не прошли...

Бѣдные, бѣдные, какъ намъ васъ жаль!...

Мы не будемъ обсуждать, худо ли, хорошо ли, что прошли эсъ-дэки, мы заявляемъ, открыто, что если бы это были все люди честные, то они честно и отнеслись бы и къ своей миссіи въ Перми; если бы они, выставивши свою кандидатуру, въ состояніи были понять всю важность своей роли на губернскомъ избирательномъ съѣздѣ, то, разумѣется, можно было бы только радоваться за результатъ нашихъ выборовъ.

Но....

Эхъ, это проклятое «но»...

Сколько оно приноситъ подъчасъ горькихъ разочарованій, сколько, благодаря ему, разбивается розовыхъ надеждъ!

Для Перми необходимы люди энергіи, преданности идеѣ, люди такта, не говоря уже о способности вести предвыборную агитацію.

Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ полное основаніе сомнѣваться, что всѣ тринадцать эсъ-дэковъ (будемъ ихъ такъ называть) обладаютъ перечисленными качествами Списокъ, получившихъ наибольшее число голосовъ безусловно не удовлетворителенъ! И никакія увѣренія эсъ-дэковскаго лидера г. Накорякова, столь торжественно заявленныя на одномъ предвыборномъ собраніи, не убѣдятъ насъ и нашихъ единомышленниковъ что за кандидатовъ, выставленныхъ партіей, ручается не мѣстная соціалъ-демократическая организація, а вся Россійская Рабочая Соціаль-демократическая партія.

Это или самообманъ, или самообольщеніе, или что нибудь болѣе худшее.

Списокъ кандидатовъ повторяемъ, составленъ неудовлетворительно и, очевидно, спѣшно, безъ освѣщенія ихъ нравственной физіономіи.

А урокъ то, какой урокъ то для г г. кадетовъ, мирнообновленцевъ и безпартійныхъ! Вотъ къ чему привели личные счеты представителей этихъ партій...

Да развѣ, если бы публика серьезно отнеслась къ выборамъ, то получился бы такой результатъ? Разумѣется, нѣтъ.

Вы посудите сами: нынче число поданныхъ бюллетеней значительно больше, чѣмъ было въ прошломъ году, а абсолютное максимальное число голосовъ, полученныхъ партійными кандидатами кадетовъ вдвое меньше, чѣмъ было въ прошломъ году; напримѣръ г. Соколовъ въ прошломъ году получилъ около 1700 голосовъ, а нынѣ только 660!

Это ли еще не поучительный результатъ?!

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Среди всеобщаго смятенья,
Вражды, безправія и смутъ
Грѣшно таить души волненья,
Терпѣть несправедливый судъ.
Довольно крови и насилья!
Одѣлась въ трауръ вся страна
И опустила робко крылья,
Недоумѣнія полна...
Но близокъ часъ.. Пылая мщеньемъ,
Какъ лава, кинется она,
И все смететъ съ ожесточеньемъ
Ея могучая волна...
Пусть будетъ такъ! Не будь печаленъ;
Повѣрь великимъ именамъ,
Что на камняхъ святыхъ развалинъ
Народъ воздвигнетъ лучшій храмъ...
И знамя водрузитъ свободы,
Какъ символъ правды нашихъ дней,
Среди ликующей природы
Освобожденный Прометей!..

ТУРУХАНСКЪ.

„Да здравствуетъ-знаемъ що!“

Подъ такимъ заголовкомъ не такъ давно была помѣщена замѣтка въ газетѣ „Вѣкъ“.

Попробуйте угадать, читатель, въ чемъ тутъ дѣло.

А дѣло далеко не заурядное.

Сказать гдѣ нибудь: „да здравствуетъ свобода“ или „да здравствуетъ революція“ по нашимъ подлымъ временамъ при всѣхъ пяти свободахъ нельзя. Пойти какой нибудь процессіи съ флагомъ съ такими же надписями не только нельзя, а за такія революціонныя дѣйствія, безъ всякаго сомнѣнія, попадешь туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

А вотъ такъ сказать или гдѣ нибудь изобразить: „да здравствуетъ—знаемъ що!“—можно.

Судите сами.

Крестьяне села Шостка въ годовщину своего столкновенія, прошлись по селу съ поднятымъ на шестѣ *краснымъ* фонаремъ и надписью;

— „Да здравствуетъ-знаемъ що!“

Оказывается, такимъ образомъ, что въ это ей надписи нѣтъ рѣшительно ничего незаконнаго или противозаконнаго.

Между тѣмъ эта надпись самая страшная изъ всѣхъ, какія мы видѣли даже въ короткіе дни свободы.

Эта надпись страшна своей неуловимостью, ибо никакая полиція въ мірѣ не можетъ изловить неизрѣченныя слова.

Эта надпись, говоритъ С. Любошъ, страшна своей неистребимостью. ибо насиліе обладаете лишь средствами внѣшняго воздѣйствія, а какое внѣшнее воздѣйствіе страшно для того, что внѣдрилось въ сознаніе?

Въ этой коротенькой формулѣ, вылившейся съ такимъ типичнымъ, чисто хохлацкимъ хитрымъ юморомъ, символизируется то внутреннее состояніе Россіи, въ какомъ она переступаетъ грань второго года своей великой борьбы за освобожденіе.

Вотъ уже третій разъ встрѣчаемъ мы новый годъ на бивуакахъ великой исторической битвы.

Старой строй, режимъ организованнаго казнокрадства режимъ сплоченнаго насилія и беззаконія ведетъ ожесточенный, смертельный бой за свое обреченное на позорную смерть существованіе.

Все пущено въ ходъ.

Самое разнузданное воображеніе не можетъ угнаться за тѣмъ фантастическимъ разливомъ произвола, беззаконій, насилій и прямыхъ издѣвательствъ, который захлестнулъ родину нашу отъ края до края.

Полуграмотные, убѣжденно-полицейскіе и военные чины душатъ печать, душатъ всякое свободное слово, всякое проявленіе свободной мысли всякое живое общеніе между людьми.

Со дна жизни поднята вся грязная муть, всѣ гады выползли изъ смрадныхъ норъ, честные люди переполняютъ всѣ тюрьмы и тысячами мрутъ съ голоду, загнанные въ холодные безлюдные тундры.

Предвыборное подвиги поражаютъ своей обнаженной наглостью, безстыдно попираются всѣ законы, но все напрасно, все ни къ чему, самая грубая сила не можетъ погасить разъ зажегшагося сознанія.

Когда «побѣдителямъ» сегодняшняго дня кажется, что-все уже задушено, что растлѣна уже въ самый моментъ нарожденія правда воли народной, откуда то изъ глубины народнаго моря раздается насмѣшливое:

— Да здравствуетъ-знаемъ що!

Развѣ въ этой пренебрежительный, даже презрительной полушуткѣ не звучитъ смертный приговоръ обреченному на смерть бѣшенному режиму хищничества произвола и насилія.

Если онъ вновь загналъ русскую жизнь въ подполье, если представители этого режима придушили свободное отраженіе свободной, независимой мысли, если они купили на послѣдній народный грошъ наемныхъ клакеровъ. что-бы ихъ наглымъ шумомъ продажныхъ восхваленій заглушить голосъ страны, то они должны смолкнуть, убитые доносящимися изъ глубины деревни, насмѣшливо радостнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ-знаемъ що!

И въ этомъ „знаемъ що“, въ этомъ сознаніи та несокрушимая сила, о которую вдребезги разбиваются всѣ приступы бѣснующейся камарильи.

И такъ:

— Да здравствуетъ-знаемъ що!

Изъ пѣсенъ революціи.*)

Моя душа пылаетъ страстью бурной,
И грудь полна отваги боевой.
Ахъ! видѣть ли свободы блескъ пурпурный,
Разсѣять мракъ насилья вѣковой,
И, маску лжи сорвавъ съ лица злодѣя,
Вдругъ обнажить его смертельный страхъ
И бросить всѣмъ тиранамъ, не робѣя,
Стальной руки неотвратимый взмахъ!
Довольно слезъ! Пусть грянетъ бой побѣдный.
Народъ зоветъ. Преступно, стыдно ждать!
Рази-жъ, мой честный мечъ послѣдній.
Я твой, весь твой, о, родина, о мать.

И. Каляевъ.

*) «Стрѣлы».

Старшина. Вотъ поглядико-сь, какъ объ васъ министеръ-то заботится: вмѣсто: пайка въ 25 ф. велѣно по 2 п. 25 ф. выдавать.

Голодный. Такъ вѣдь гумажку то не съѣшь...

Старшина. А тебѣ бы все лопать Скоты сущіе... Нѣтъ, чтобы о душѣ побезпокоиться!..

Въ рабочемъ кварталѣ.*)

—„Отвѣчай! Не молчи! Ты мнѣ мужъ—не чужой
Чѣмъ ребенка я буду кормить!
До весны не протянетъ нашъ мальчикъ больной,
Не дожить... Не дожить...
Или лгалъ ты въ тѣ дни, или лгалъ ты женѣ,
Что заря золотая близка!
Иль ты бредилъ въ жару, иль ты грезилъ во снѣ!
Гдѣ же счастье? Тоска...
Я вѣнчальное платье за грошъ продала,
Чтобы хлѣба немного достать.
Истомилась я вся... Иль ты ждешь, чтобъ пошла
Я собой торговать!
Отвѣчай. Не молчи! Ты мнѣ мужъ! Не чужой!
Чѣмъ ребенка я буду кормить!
До весны не протянетъ нашъ мальчикъ больной
Не дожить... На дожить...

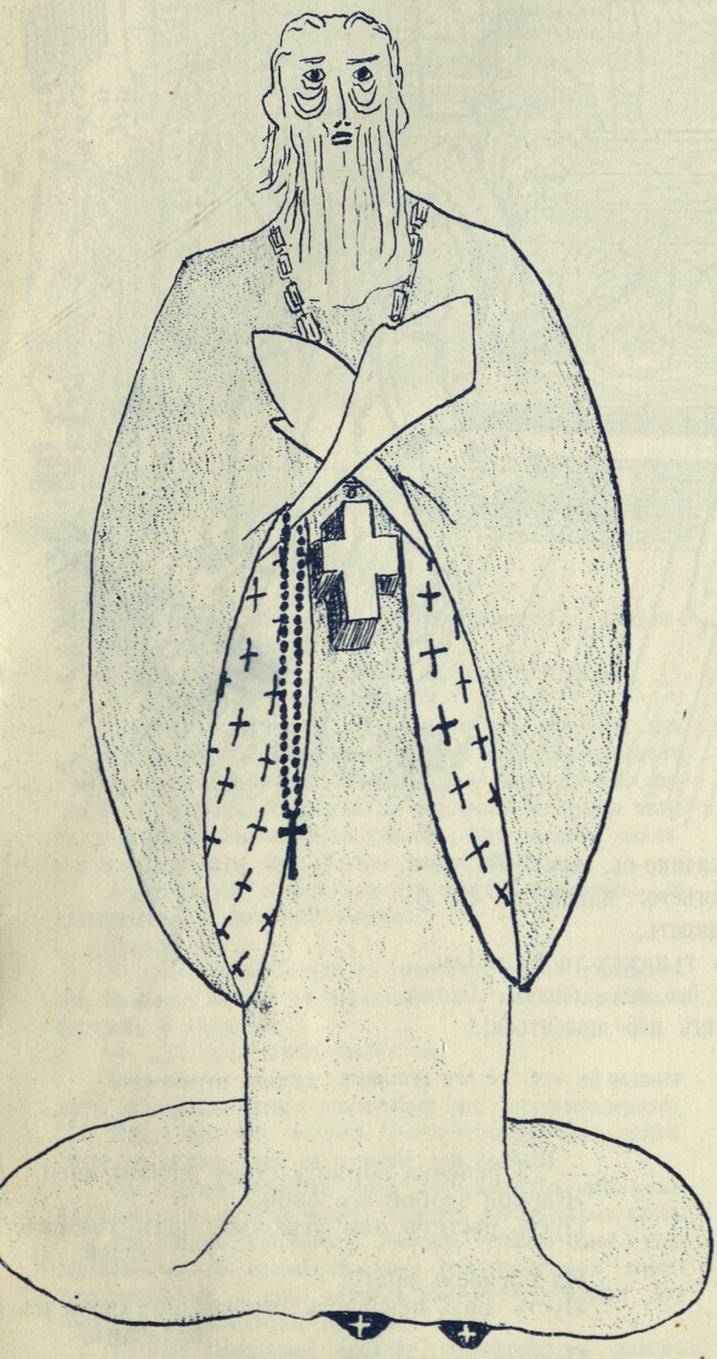
* * *

— „Я ребенка кормить стану злобой моей,
Жаркой злобой его обожгу.
Пусть растетъ онъ угрюмый подъ гнетемъ цѣпей
На погибель врагу.
Пусть онъ, ненависть въ сердце храня къ палачамъ,
Чашу горя осушитъ до дна.
Пусть голодный скитается онъ по ночамъ,
Безъ пріюта, безъ сна.
Пусть безумную прихоть роскошныхъ дворцовъ
Онъ прклятьемъ своимъ заклеймитъ.
Пусть онъ будетъ наслѣдьемъ погибшихъ отцовъ
И за нихъ отомститъ!
Я ребенка кормить стану злобой моей,
Жаркой злобой его обожгу.
Пусть растетъ онъ угрюмый подъ гнетомъ цѣпей
На погибель врагу!

С.—Р.

*) «Огни Жизни.»

СТАРЕЦЪ СЕРАФИМЪ. Помощникъ и покровитель всѣхъ монархистовъ г. Перми.



Изъ архива русскаго политическаго юмора. *)

Кто она?

Тятька, звонъ, что народу
Собралось у кабака;
Ждутъ каку-то все слободу...
Тятька, кто она така?
Цыцъ! Нишкни! пущай гуторятъ,
Наше дѣло сторона;
Какъ возмутъ тебя да вспорютъ,
Такъ узнаешь, кто она.

*) Стрѣлы.

Предвыборная сутолока.

Предвыборная сутолока кончилась; результаты на лицо. Имъ отведено у насъ спеціальное мѣсто.

А знаетъ ли, читатель, какъ и гдѣ **«фабриковались»** бюллетени, буквально фабриковались?...

Всѣ партіи хотѣли «уловить» въ свою урну избирателя.

Вхожу, напримѣръ, случайно въ лѣсное отдѣленіе...

Дымъ коромысломъ!

Лѣсная стража заполонила всѣ кулуары сего учрежденія...

Пишутъ, пишутъ и пишутъ...

Въ одномъ мѣстѣ диктуетъ письмоводитель, въ другомъ «самъ «лѣсничинъ» ибо вѣдь онъ кандидатъ одного списка, въ третьемъ въ уголкѣ притулились чинуши и втихомолку конспиративно заполняютъ графы лицами «по секрету» и т. д.

Въ мѣщанской управѣ, какъ и въ прошломъ году развели цѣлый махорочный департаментъ для лицъ слѣпыхъ и убогихъ, калѣкъ перехожихъ, кои сами не владѣютъ ни головой, ни руками.... Имъ прямо выдавались печатные бюллетени съ готовыми отпечатанными 13-ю кандидатами... И скоро и небезпокойно! И дешево и вѣрно!

Въ бюро мирнаго обновленія 10 писцовъ усиленно заполняли бюллетени, предназначенные такъ-же, какъ и у казицинскаго союза, для «смирныхъ» обывателей, чтобъ не затруднять ихъ и не безпокоиться думать—кого писать».

Пожалуйте, молъ, къ намъ: на готовыхъ проѣдаете!

Но, кажется, мирнообновленцы немногихъ уловили, хотя списковъ и заготовили препорядочно....

У кадетовъ все дѣло предвыборовъ прошло какъ то законспирировано. Была пущена въ ходъ нѣкоторымъ образомъ внутренняя агитація, благодаря которой имъ удалось экспропріировать въ свои урны 278 приказчиковъ; даже чуть было сыръ-боръ не загорѣлся. Но, инцидентъ былъ изчерпанъ въ самомъ началѣ и волненія подавлено.

Дальше идутъ эсъ-дэки.

Партійные здѣсь шли начистоту по совершенно опредѣленному списку и голоса подавали за строго опредѣленныхъ 13 человѣкъ. Ну а обыкновенный обыватель пользовался спискомъ эсъ-дэковъ по усмотрѣнію.

Нельзя не отмѣтить и курьезовъ, кои имѣли мѣсто при выборахъ.

Напримѣръ, многіе обыватели выходя утромъ изъ дома, находили на крыльцахъ печатные списки и прокламаціи двухъ партій и лѣвой—эсъ-дэковской, и козицинской. И странные шутники разносчики: въ одномъ мѣстѣ сверху лежалъ Козицинъ, а подъ ними эсъ-дэки, а въ другомъ, на оборотъ, сверху эсъ-дэки, а надъ ними Казицинъ.

Гн—.

Полковникъ. Ты курилъ въ присутствіи офицера?

Рядовой. Никакъ нѣтъ, ваше—скородіе!

Полковн. На тридцать сутокъ подъ арестъ!

Ряд. Я, ваше—скородіе, никогда не курилъ и не курю!

Полк. А, ну тогда на двадцать.

ЗАКОННИКЪ.

— Митюха, а Митюха! ты спишь?

— Ты меня не трожь! я лежу и думаю....

— Ишь, чѣмъ заниматься сталъ! твое ли это дѣло? Господское оно; не твоему носу....

— А я все таки, вотъ думаю и думаю, и ты мнѣ не укажешь, и начальство не укажетъ. А думаю я, почему такое урядникъ—ваше благородіе, попъ—ваше преподобіе, а мы съ тобой сукины дѣти и больше никакихъ.

— По закону, братъ, такъ намъ полагается!

— По закону? Нѣтъ врешь!

— Я то?

— Ты-то вотъ.

— Николи! я всякіе законы знаю, потому какъ я въ городу цѣлое лѣто работалъ и на банкѣ крышу мазалъ.

— Хотя ты крышу на банкѣ и мазалъ, а на счетъ законовъ это ты врешь. Ты вотъ въ прошломъ годѣ пришелъ изъ города и пошелъ хвастать, что молъ вышелъ законъ, чтобы насъ, мужиковъ, больше пороть не смѣли, указъ будто такой отъ начальства произошелъ...

— Ну и произошелъ! Вотъ те крестъ, произошелъ.

— Одначе, тебя сейчасъ же за это и выпороли?!

— Мало вышто выпороли! Это отъ беззаконія. Это не штука—взять, портки спустить и выпороть. Это взякій можетъ. Экъ и мы съ тобой можемъ. Нѣтъ, ты вотъ попробуй, чтобъ позакону....

— Да вѣдь тебя земскій далъ?

— Ну, земскій!

— Законный онъ, или нѣтъ?

— Земскій—отъ? Гм... Ежели спереди, такъ законной, а ежели сзади, такъ его и не разбирешь... Пуговицы у его свѣтлыя, да и жалованье идетъ, значитъ законной...

— Ну то то и есть. Вотъ тебѣ и не по закону.

— Это не важность, что меня выпороли. Скоро я ихъ самъ пороть буду...

— Что—о—о?

— Пороть буду я, вотъ те и что. Всѣхъ пороть: и благородій, и преподобій, и всякихъ, которые въ чинахъ!

— Ну, ну, ты...тово...этово...помалкивай.

— Вотъ-те и помалкивай. Слыхалъ, опять государская дума собирается?

— Слыхалъ.

— Тото слыхалъ, да видно плохо нюхалъ. Ну такъ вотъ слухай! Новая дума будетъ такая, что насъ мужиковъ будутъ подчитывать не такъ, какъ раньше. Чаемъ будутъ подчивать.

— Ну—ну.. Не завирайся!

— Вотъ те и не завирайся. Увидишь. Придемъ мы это опять въ думу, а тамъ этто бархатные диваны кругомъ, зеркала этто, небель разная пуховая! Придемъ это мы въ думу, какъ въ прошломъ году, а намъ, сейчасъ жалованье, ей Богу! Самое настоящее жалованье, по красенькой на день, ей Богу.

— Ну, ну, не завирайся ты!

— Какъ день прошелъ, такъ и красенькая. Получай—не хочу!

— Притвори дверь то! Чудакъ человѣкъ! Услышатъ!

— Пусть услышатъ! Что я не правду говорю, что я вру? Николи! Да ты знаешь, какъ будетъ?

— Нѣтъ, не знаю...

— То то вотъ и есть. А я знаю. Я всякіе законы знаю, потому самъ читалъ!

— Мы придемъ и министры разные придутъ. Придутъ и намъ честь отдадутъ.

— Ну—ну—ну...

— Да не ну—ну—ну, я тебѣ правду говорю. Какъ придутъ они, честь намъ отдадутъ, а мы имъ опять: „А скажите намъ, такіе сякіе, Гурки разные. А куда дѣли, молъ, тыщи милліоновъ? А почему у насъ народъ пухнетъ?“ А они намъ: „пардонъ, молъ.“ Знаемъ мы вашего брата, пардонъ; намъ не пардонъ вашъ пажалуйте, а отчетъ подайте...такіе сякіе. А по какому праву Аксиньина мужа въ солдаты забрали? а? Тотъ намъ въ ноги. А почему помѣщичій скотъ черезъ мое поле ходитъ, а мой черезъ его не моги ходить? А они опять тебѣ въ ноги! Ну потомъ чаю принесутъ, пить заставять. Это ужъ такой законъ, какой былъ и въ прошломъ годѣ. Хочешь не хочешь, а пей и непремѣнно въ накладку. Самъ пьешь и самъ приговариваешь: „Ахъ вы такіе сякія господа министры, пороть васъ мало!“ А почему у насъ на деревняхъ скотъ подаетъ? а? А почему этотъ самый голодъ по всей Россіи пошелъ? А почему у насъ земли мало? И кормиться нечѣмъ? А почему у васъ, у енераловъ, пузо отросло до самаго дивана? И пойдемъ, и пойдемъ, да такъ пойдемъ, што...

— Постой, погоди!...

— Чего ждать то? Ты мнѣ отвѣтъ держи! Зачѣмъ вы моего брательника—солдата въ народъ стрѣлять заставляете? Ну ко покажи, какой такой законъ на это имѣете? Тутъ, братецъ мой, всякой министръ самъ штанишки спуститъ: „порите, молъ, меня.“

Слушатель Митюха сорвался съ мѣста, поглядѣвъ безумными глазами на разсказчика и бросился вонъ изъ сарая:

— Кара..у..у..у.! Помогите!

Передѣлалъ Чужъ—Чуженина

Гномъ № 1.

— Проходи, проходи, рвань корычневой!...
— Чаго лаешься?.. мы танерича, чай, съ тобой сослуживцы—въ одномъ вѣдомствѣ служимъ...

ПЕРМЬ.

ПОДБѢЛЬСКІЙ. Кандидатъ въ выборщики отъ монархической партіи. Довѣренный Грибушиныхъ и староста Воскресенской церкви. „Ораторъ.“ (!) Умѣетъ хорошо ставить свѣчи и очень плохо говоритъ.

ВЪ „ЯСЛЯХЪ.“

Въ пріютѣ дѣтской смертности
(Читай иначе—«ясли»)—
Всѣ признаки инертности
Давнымъ - давно угасли:
Царитъ здѣсь нынче рвеніе;
Имѣютъ здѣсь ребятки
Отличное кормленіе,
Отличные порядки...
За дѣтвору, родители,
Спокойны будьте духомъ;
Вѣдь, здѣсь руководители
Прекрасные, по слухамъ,
По праву первородному
Здѣсь правитъ докторъ Русскихъ;
Онъ дѣлу благородному
Не ставитъ рамокъ узкихъ.
Врачемъ цивилизованнымъ
Обдумано все слишкомъ...
Дѣтей стерилизованнымъ
Снабжаютъ молочишкомъ.
Врачъ, ставши въ заведеніи
Владѣтельной особой,
Ведетъ здѣсь наблюденіе
Съ какой-то даже злобой.
И то ему не нравится,
И то его волнуетъ...
А какъ чему исправиться,—
Онъ самъ не растолкуетъ.
На всѣхъ его присутствіе
Вліяетъ здѣсь нервозно;
Онъ всѣмъ даетъ напутствія
Величественно—грозно.
Онъ грубо обращается,
Какъ будто бы по праву,
И страшно возмущается
Препятствіями «ндраву».
Даетъ распоряженія
Начальническимъ тономъ
И всѣ свои движенія
Велитъ считать закономъ.
На взглядъ его, является
Сотрудница служанкой,
И онъ передъ ней кривляется
Съ хозяйскою осанкой.
При дѣйствіяхъ торжественныхъ,
Даетъ онъ волю нервамъ
И въ дѣлѣ рукъ общественныхъ
Себя считаетъ первымъ.
И первымъ, и единственнымъ,
Кончиной и началомъ!..
Ведетъ себя воинственнымъ
Высокимъ генераломъ.
Никто не догадается,
Что лицамъ служатъ «ясли»,
Что Русскихъ въ нихъ катается,
Какъ сыръ въ хорошемъ маслѣ.

М. Б.

На улицѣ.

Сѣдокъ. Извозчикъ, какъ дѣла?

Извозчикъ. Какіе нонѣ дѣла? Господа хорошіе уѣхали заграницу, остались одни граждане... а какой съ нихъ толкъ...

Безъ работы.

Эм. Золя. Перевелъ для "Гнома„ Ж. Е.

1.

Когда рабочіе утромъ подходятъ къ фабрикѣ, они находятъ ее холодной. Въ ней господствуетъ угрюмая печаль разрушенія.

Большая машина въ глубинѣ зала съ ея тощими руками, ея неподвижными колесами—молчитъ и вноситъ еще новое удручающее впечатлѣніе въ общую картину безмолвія, она—чей свистъ и гулъ, какъ біеніе сердце великана, обычно вноситъ жизнь въ весь домъ.

Хозяинъ спускается изъ своего маленькаго кабинета. Съ печальнымъ лицомъ обращается онъ къ рабочимъ. „Товарищи, сегодня нѣтъ болѣе работы..... Заказовъ нѣтъ, со всѣхъ сторонъ получаю я отказы, товаръ остается на моей шеѣ. Въ этомъ мѣсяцѣ, Декабрѣ, на который я разсчитывалъ и который въ другіе годы былъ богатъ работой, все грозитъ паденіемъ даже самымъ солиднымъ фирмамъ. Мы должны пріостановить работу“..... И видя, что рабочіе съ боязнію переглядываются при мысли о возвращеніе въ свои дома, онъ продолжаетъ тихимъ голосомъ.—„Я не эгоистъ, нѣтъ, въ этомъ я вамъ клянусь..... Мое положеніе такъ-же ужасно; быть можетъ еще ужаснѣе, чѣмъ ваше.—Въ восемь дней я потерялъ 50,000 франковъ. Я останавливаю сегодня работу, чтобы не увеличивать еще болѣе брешь и я не имѣю ни одного су, чтобы уплатить свои обязательства къ 15-му числу. Вы видите, что я говорю вамъ, какъ другъ, что я ничего не скрываю отъ васъ. Быть можетъ уже завтра явятся сюда судебные пристава.—Это не наша вина, не правда-ли? Мы боролись до крайности. Я хотѣлъ вамъ помочь выйти изъ этого сквернаго положенія, но стало не по силамъ, я палъ побѣжденный.—Я не могу болѣе раздавать хлѣбъ.“

Затѣмъ онъ подаетъ имъ руку. Рабочіе молча пожимаютъ ее. Они стоятъ еще нѣсколько мгновеній, чтобы, сжавъ кулаки, въ послѣдній разъ посмотрѣть на свой теперь ненужный инструментъ.

Бывало, уже съ наступленіемъ дня, здѣсь раздавался лязгъ пилъ, молотки отбивали въ тактъ свою работу—и все это казалось теперь уснувшимъ подъ пыльнымъ покровомъ банкротства.—

Двадцать, тридцать семей будутъ на слѣдующей недѣли безъ пищи.—

Нѣсколько женщинъ, которыя работали на фабрикѣ начинаютъ плакать.

Мущины хотятъ казаться болѣе сильными и говорятъ, что въ Парижѣ не умираютъ съ голода.

Когда, наконецъ, хозяинъ уходитъ, и они видятъ его согнувшимся въ теченіе этихъ восьми дней угнетеннаго горемъ, которое быть можетъ болѣе, нежели онъ въ немъ сознался,—они постепенно удаляются, подавляя рыданія, съ тяжелымъ сердцемъ, какъ отъ смертнаго ложа.—

Смерть—вѣдь это работа, это та большая нѣмая машина, скелетъ которой угрюмо возвышается въ полутьмѣ.

2.

Рабочій теперь на улицѣ, на мостовой, на панели. Восемь дней мѣряетъ онъ мостовую и не можетъ найти работы.

Всѣ двери оставались передъ нимъ закрытыми Тогда рабочій предложилъ свой трудъ за половинную плату. Двери ему не открылись.

Это—безработица, ужасная безработица, погребальный звонъ чердачныхъ квартиръ.

Паника овладѣла всѣми отраслями производства и деньги отвратительныя деньги лежатъ въ шкапахъ.

Въ восемь дней погибло все.

Рабочій сдѣлалъ послѣднюю попытку и медленно возвращается домой съ пустыми руками, сраженный несчастьемъ.

Дождь. Слякоть сегодня вечеромъ придаетъ Парижу особенно угрюмый видъ.

Онъ идетъ подъ проливнымъ дождемъ, не чувствуя его, онъ ничего не чувствуетъ, кромѣ голода и часто останавливается, чтобы не такъ скоро вернуться домой.

Онъ остановился, прислонясь къ рѣшеткѣ набрежной Сены. Вздувшаяся рѣка съ шумомъ катится мимо; бѣлыя, пѣнистыя волны разбиваются о мостовой быкъ. Онъ нагибается, видитъ мимо бѣгующую могучую струю, слышитъ ея остервенѣлый прызывъ. Но, онъ говоритъ себѣ, что это было-бы малодушіемъ и идетъ дальше.

Дожь стихаетъ. Въ выставочныхъ окнахъ ювелировъ сверкаютъ газовые рожки. Если онъ разобьетъ одно стекло, однимъ движеніемъ руки, онъ обезпечитъ себѣ кусокъ хлѣба на многіе годы.....

Рестораны освѣщены, и за бѣлыми занавѣсками онъ видитъ людей, которые ѣдятъ.

Онъ умѣряетъ свои шаги, онъ возвращается въ пригородъ, мимо дешевыхъ кухонъ, колбасныхъ, булочныхъ, мимо всего того лакомаго Парижа, который въ часы ѣды выставляетъ свои товары.

Когда утромъ его жена и малютка дочь плакали, онъ обѣщалъ имъ принесть вечеромъ хлѣба. Онъ не отважился вернуться передъ наступленіемъ ночи и сознаться, что не могъ исполнить своего обѣщанія.

Въ то время, когда онъ идетъ дальше, онъ спрашиваетъ себя, какъ онъ войдетъ, что долженъ сказать, чтобы онѣ могли еще терпѣть.

Онѣ не могутъ, впрочемъ, оставаться долѣе безъ пищи. Онъ самъ бы могъ еще, но его жена, его ребенокъ слишкомъ слабы. На мгновеніе думаетъ онъ искать свое спасеніе въ милостынѣ, но, когда мимо него проходятъ господинъ съ дамой, онъ намѣревается протянуть руку, рука остается несогнутой и слова застрѣваютъ въ гортани. Онъ остается стоять на панели въ то время, когда приличные люди сторонятся, потому что пугливый взглядъ голоднаго будитъ въ нихъ догадку, что онъ пьянъ.

3

Жена рабочаго ждетъ въ воротахъ дома. Она оставила свою уснувшую малютку наверху въ квартирѣ. Женщина очень худа, на ней бѣдное бумажное платье. Она дрожитъ подъ ледянымъ вѣтромъ, который дуетъ съ улицы. Въ квартирѣ нѣтъ болѣе ничего. Восемь дней безработицы было достаточно, чтобы опустошить ихъ квартиру. Не говоря ни слова мужу, она сама искала работы, но для женщины безработица еще хуже, чѣмъ для мужчины. На ихъ площадкѣ живутъ еще несчастныя, которыхъ она слышитъ плачущими цѣлую ночь. Одну она видѣла стоящей на углу улицы, другая умерла, третья исчезла. Она имѣетъ къ счастію славнаго мужа, мужа, который не пьетъ, и они жили бы хорошо, если бы безработица не отняла у нихъ всего.

Весь свой кредитъ она использовала: она должна уже булочнику, колоніальному торговцу, зеленщику, и она не отваживается теперь даже пройти мимо ихъ лавокъ.

Послѣ обѣда она была у своей сестры, чтобы занять 20 су, но и тамъ она встрѣтила такое горе, что стала плакать, не говоря уже ничего о своемъ, и обѣ онѣ—сестра ея и она—долго проплакали вмѣстѣ.

Уходя она обѣщала принести хлѣба, если мужъ принесетъ что либо домой. А мужъ ея не идетъ. Дождь все ливмя льетъ..... Она спасается въ дворовый проходъ. Время отъ времени, не смотря на дождь, гонимая нетерпѣніемъ, она выходитъ, доходитъ до угла улицы, чтобы посмотрѣть—не увидитъ-ли она вдали давно ожидаемаго мужа. Когда она возвращается, вода бѣжитъ съ нея. Она проводитъ рукой по волосамъ, чтобы ихъ выжать.

Въ толпѣ прохожихъ ее толкаютъ. Мужчины заглядываютъ ей въ лицо. Иногда она чувствуетъ теплое дыханіе на своей шеѣ. Она голодна, она достояніе цѣлаго свѣта. А напротивъ булочникъ, и она думаетъ о своей малюткѣ спящей наверху.

Когда-же, наконецъ, вдали вырисовывается фигура ея мужа, какъ преступникъ крадущагося вдали фасадовъ домовъ, она бросается къ нему и смотритъ на него полными боязни глазами.

— „Ну что? Какъ дѣла?“ бормочетъ она. Но онъ не даетъ отвѣта и опускаетъ свою голову. Она поднимается передъ нимъ по лѣстницѣ блѣдная, какъ смерть.

4

На верху малютка не спитъ. Она проснулась и при свѣтѣ огарка свѣчи, догорающей на углу стола слабымъ пламенемъ, мечтательно смотритъ передъ собой. Она сидитъ на краю чемодана, замѣняющаго ей кровать.

Голыя ножки качаются и дрожатъ отъ холода, маленькія ручки прижимаютъ тряпье, въ которое завернуто дитя, къ желудку. Она чувствуетъ тамъ жженье, огня, который хочетъ погасить. И ей снится.

Она никогда не имѣла игрушекъ. Она не можетъ ходить въ школу, потому что у ней нѣтъ сапожекъ. Она вспоминаетъ, какъ мать взяла ее съ собой въ солнечный день, но это было давно. Они должны были мѣнять квартиру, и съ тѣхъ поръ ледяной духъ пронесся черезъ ихъ домъ. Съ тѣхъ поръ она не бывала довольна. Она всегда была голодна.

Это—нѣчто, чего она не можетъ понять.

Значитъ цѣлый свѣтъ бываетъ голоденъ?

Она пробовала привыкнуть къ этому, но это ей не удалось, однако. Теперь она думаетъ, что она слишкомъ мала: надо быть большой, чтобы умѣть понять это. Ея мать знаетъ, безъ сомнѣнія, этотъ секретъ, который скрываютъ отъ дѣтей. Если бы она осмѣлилась, она спросила-бы у матери, кто это пускаетъ людей на свѣтъ, чтобы они голодали.

И все у нихъ смотритъ такъ гадко!

Она бросаетъ взглядъ на окно, гдѣ кусокъ постельнаго полотна развѣвается вмѣсто занавѣски; смотритъ на голыя стѣны, разбитую посуду, на всю грязь чердачной коморки, залитой отчаяніемъ безработицы. Въ своей наивности думаетъ она о теплыхъ, хорошо убранныхъ комнатахъ, что снились ей. Она закрываетъ глаза, чтобы вновь увидѣть ихъ. Между полузакрытыми вѣками свѣтъ огарка превращается въ ослѣпительный свѣтъ золота, но вѣтеръ снова свиститъ въ окно, черезъ окно врывается струя холоднаго воздуха, и наступаетъ припадокъ кашля. Глаза у ней полны слезъ.

Прежде она боялась, когда ее оставляли одну, теперь она не думаетъ о томъ,—ей все равно. Такъ какъ она со вчеряшняго дня не ѣла, она думаетъ, что мать вышла, чтобы принести имъ хлѣба. Эта мысль ее веселитъ. Она разрѣжетъ свой хлѣбъ на совсѣмъ маленкіе кусочки; станетъ ихъ ѣсть медленно одни за другимъ; она будетъ играть со своимъ хлѣбомъ.....

Мать вошла, отецъ затворилъ дверь. Пораженная смотритъ она на руки обоихъ. Но когда они ничего не говорятъ, она повторяетъ черезъ мгновеніе ноющимъ голосомъ:

— „Я голодна,..... я голодна!.....“

Отецъ въ темномъ углу схватился руками за волосы; онъ остается тамъ сидѣть; отъ сдержанныхъ рыданій вздрагиваютъ его плечи. Мать, не давая волю слезамъ, подходитъ къ малюткѣ, чтобы снова уложить ее. Она покрываетъ ее всѣмъ тряпьемъ, которое еще осталось въ коморкѣ, уговариваетъ быть разумной и спать.—

Но дитя, со стучащими отъ голода зубами, чувствуетъ все возрастающее жженье въ своемъ желудкѣ.....

Оно обнимаетъ шею матери и нѣжно спрашиваетъ:

— „Скажи же, мама..... почему-же мы голодны?“

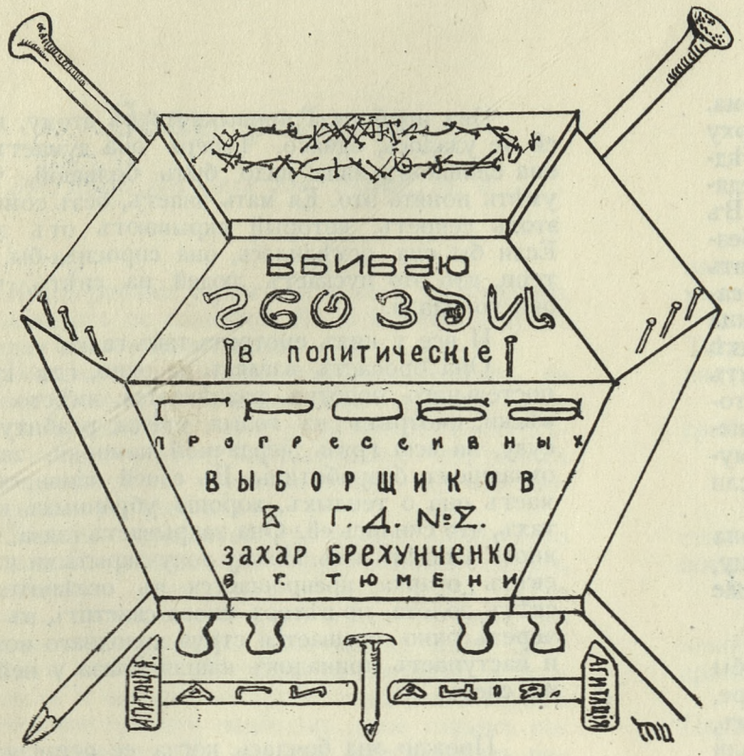
Тюменскія искорки.

Первый: Почему это стражники стоятъ только на центральныхъ улицахъ, а на глухихъ ихъ не видно?

Второй: На центральныхъ безопаснѣе.

А, Иванъ Ивановичъ! Позвольте вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе!

Обратитесь, батюшка, къ нотаріусу Вольскому, ему теперь только почтеніе и разрѣшено свидѣтельствовать.



ЖИЛИ, БЫЛИ....

Все мѣняется на свѣтѣ
Все проходитъ, какъ мечта:
Появились «комитеты»
Съ ними жизнь пошла не та.
Въ канцеляріи стояли
Прежде миръ да тишина,
Мирно служащіе спали;
Не тревожили ихъ сна.
Комитеты появились.....
Какъ по манію жезла,
Разомъ все перемѣнилось
Жизнь иная потекла!
Тамъ поспѣшно письма пишутъ,
Тамъ кладутъ на нихъ печать—
Всѣ устали, еле дышутъ
Каждый жизни ужъ не радъ.
Тамъ готовятъ извѣщенья,
Сторожамъ разнесть велятъ—
Стражи зрятъ въ недоумѣньи:
«Намъ на кой ихъ...» говорятъ.
. . . . . .
Такъ трудами и заботой
Создается комитетъ—
И зоветъ, зоветъ разъ въ сотый
Своихъ членовъ на совѣтъ.
Собрались отцы, мамаши
И, на все рукой махнувъ,
Принялись за нужды наши,
Въ руку яростно зѣвнувъ.
Въ тотъ-же вечеръ порѣшили
Спуску школѣ не давать,
Къ нуждамъ нашимъ приложили
Преогромную печать.
Разрѣшили съ колебаньемъ
Намъ папахи заводить
И закрыли заѣданье,
Чтобы все не разрѣшить.
Запустѣла школа наша
«Это свинство говорить».
Заварилася тутъ каша.
И рѣшили мы «запить.»
Испугались комитеты...
Почесали въ волосахъ:
«Чертъ бы дернулъ школу эту:
Дали сильный мы промахъ.
Истомилися ребята
Захотѣлось имъ попить—
Такъ дадимъ-же имъ питья-то,
Чтобы каши не варить?»
Какъ рѣшили—сотворили—
Натащили молока—
«Пищи лучше вы просили,
Такъ возьмите вотъ пока»;
Но съ улыбкой отвернулась
Наша школа имъ въ отвѣтъ,
И собранье ужаснулось—
Дѣло подали въ «совѣтъ».
Близко къ сердцу принялъ дѣло
Нашъ блистательный совѣтъ
Вмигъ работа закипѣла—
Успокоенъ комитетъ.
Массу писемъ написали
Пролилась чернилъ рѣка
И рука бойцовъ устала—
Канцелярская рука!
И рѣшилъ совѣтъ вначалѣ
Объявить ученикамъ,
Чтобы всѣ сбирались въ залѣ
А зачѣмъ?—узнаютъ тамъ...
Собрались—столбами встали
И угрюмо стали ждать.
Долго, долго они ждади,
Чуть не стали засыпать;
Вдругъ въ дверяхъ субъектъ явился
Оглянулся—полетѣлъ,
Чуть водою подкрѣпился
И басищемъ заревѣлъ.
«Господа», вскричалъ онъ дико
И глазами сталъ вращать!
Я, членъ «Трезвости», намѣренъ
Прочитать вамъ рефератъ!!
. . . . . .
. . . . . .
Долго-ль мучилось собранье
Не могу я дать отвѣтъ—
Но тѣперь уже, навѣрно,
Въ первомъ классѣ пьющихъ нѣтъ.

Гномеонъ.

Скорѣй.

Терпѣнья не стало! . И русскій народъ
Не хочетъ нести безусловно
Цѣпей ненавистнаго рабства, невзгодъ,—
И вотъ онъ встаетъ поголовно.

* * *

Встаетъ для защиты дѣтей своихъ, женъ,
Въ защиту свободы желанной,—
И пусть казаками вездѣ окруженъ,
Онъ биться готовъ неустанно...

* * *

...Теперь, что ни день, намъ газеты несутъ
Ужасныя грустныя вѣсти:
Драгуны, казаки пощадъ не даютъ,
Исполнены яростной мести.

* * *

По селамъ нищаютъ... всѣхъ давитъ нужда.
Фабричный безъ средствъ остается,
Въ такое горячее время, когда
За жизнь и свободу онъ бьется.

* * *

Товарищи!.. Помощь, поддержка нужна,
Тамъ голодъ, тамъ терпятъ невзгоду,—
Не будемъ же скупы... скорѣе должны
Помочь мы родному народу!..

КРАСНЫЙ ЭПОЛЕТЪ.

Гляжу я давно ужъ на твой эполетъ
И счатья его не постигну секретъ.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Ходить въ эполетахъ я очень любилъ,
Начальство къ тому поощряло меня.
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды, какъ разъ передъ Пасхой святой,
Ко мнѣ постучался солдатъ-вѣстовой.
Васъ ждутъ къ командиру [сказалъ онъ); сейчасъ
Какой-то особенный вышелъ приказъ.
Я далъ ему мелочи три пятака
И вѣрнаго позвалъ къ себѣ деньщика.
Мы вышли. Я мчался быстрѣе коня
И думалъ, что ждетъ тамъ „проборка„ меня.
Лишь я къ командиру вступилъ на порогъ,—
Въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ!
Вхожу въ отдаленный его кабинетъ
И вижу какой то военный совѣтъ.
Поручикъ, пріятно мнѣ вамъ довѣрять:
Я васъ назначаю крестьянъ усмирять....
Я выѣхалъ ночью съ отрядомъ штыковъ
Какихъ-то зачѣмъ-то смирять мужиковъ...
Я помню моленье, текущую кровь...
Погибла моя къ эполетамъ любовь!
Съ главы своей снявши фуражку,—тогда
Сказалъ я мундиру: „прости навсегда!“
Отставку свою я три мѣсяца ждалъ,
Потомъ эполеты татарамъ продалъ.
Съ тѣхъ поръ я свободу люблю горячѣй.
Съ тѣхъ поръ я не знаю безсонныхъ ночей:
Теперь вотъ гляжу я на твой эполетъ
И счастья его не поститну секретъ.

Галанскій.

Дума, Дума, стань ко мнѣ передомъ, а къ кабинету задомъ...

Корреспонденція изъ Самары.

ПОРТРЕТЫ.

(Къ выборамъ.).

Чел——въ.

Онъ и краситъ, онъ и паритъ,
И асфальтомъ заливаетъ.
Въ Думѣ тѣмъ себя прославитъ,
Что свободу обругаетъ.

Бог————скій.

Ей Богу, не пойму никакъ,
Зачѣмъ такъ рьяно онъ хлопочетъ:
Онъ, по фамиліи, полякъ,
А автономіи не хочетъ!

Баш————скій.

Онъ бреетъ юношескій усъ,
Въ собраньяхъ говоритъ помногу.
Его понятьямъ и зулусъ
Не позавидуетъ, ей Богу.

Кореневъ и К°.

Ихъ программа: Громъ побѣды!
Ихъ платформа: Бить и врать!
Это просто людоѣды,
Больше нечего сказать.

Б——п——п——въ.

Баллотируйте за него закрывъ глаза,
Да пользуйтесь скорѣй совѣтомъ;
Онъ вамъ издастъ законъ козырнаго туза,
Чтобъ крыть простымъ валетомъ.

А. П. А.

Лицо измято, усъ пушистый...
Пройдетъ онъ или не пройдетъ?
Его толкаютъ октябристы.
Скажите: **взадъ** или **впередъ?**

№.

Любитъ выругать «жида»
Посмѣяться надъ полякомъ,
Либераломъ слылъ всегда,
До «клубники» очень лакомъ.

Г—скій.

«Истинно-купеческое терпѣніе».

ЖЕНА. Сколько ты выпилъ водки, а опять въ выборщики не попалъ.

МУЖЪ. Ничего! мы подождемъ третьей думы.

Предположеніе. На 1907 годъ ко времени открытія Государственной Думы жандармская полиція будетъ увеличена въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго члена Думы приходился цѣлый штабъ жандармовъ.

ПИСЬМА ГНОМОВЪ.

Камышловъ. Въ выборщики на губернскій избирательный съѣздъ отъ городскихъ избирателей прошли по большинству записокъ:

Федоръ Михайловичъ Автократовъ—земскій врачъ, бывшій при Камышловской больницѣ и вынужденный перебраться за свои либеральныя рѣчи отъ «предержащихъ властей» къ «власть имущимъ» въ Талицкій заводъ.

Андрей Алексѣевичъ Лукинъ—довѣренный купца Щербакова; обладаетъ хорошей памятью; прекрасно заучиваетъ составленныя для него эс-де'ками и эс-эр'ами рѣчи для произнесенія на предвыборныхъ собраніяхъ; прошелъ въ выборщики блгодаря усиленной агитаціи приказчиковъ, обѣщавшихъ большую скидку избирателямъ за купленный товаръ.

Михаилъ Алексѣевичъ Васильевъ—городской голова, ярый противникъ уплаты всякихъ налоговъ, накопившій недоимки земскаго сбора 1600 руб., для обысканія которой полиціей назначены торги на 25-е сего января принадлежащаго ему недвижимаго имущества.

Обыватель.

Верхъ-Нейвинскъ.

О выборщикахъ. Отъ волости выбраны двое: Манжаринъ и Крапотухинъ; отъ рабочихъ Старожиловъ.

Манжаринъ.—торгашъ изъ истинно-русскихъ; убѣждающій всѣхъ и каждаго, что онъ кормитъ покупателей, а не они его... не будь торгашей, люди бы поколѣли съ голоду.

Выписываетъ много газетъ «мягкаго направленія», но не для естественной надобности, а для набиванія «худыхъ» головъ...

Крапотухинъ, бывшій старшина, теперь заводскій надзиратель; своихъ убѣжденій не имѣетъ; носъ держалъ и держитъ всегда по вѣтру; «праворушный».

Старожиловъ—рабочій—прогрессистъ, но не изъ «стойкихъ»... Бредитъ Думой...

«УГОЛЬ.»

С. Арамиль.

Ну, чаво, паря, были у васъ выборы-то въ новую-то Государственную Думу?

Какъ-же, на другой день крещенья выбирали:—почти цѣлый день шары-то катали.

А ты былъ?

Нѣтъ, парень, строго, вѣдь, на выборахъ и близко сотскіе не пускаютъ.

— А кого выбрали, слышалъ?

— А выбрали все людей богатыхъ.

— Зачѣмъ-же это нынче богатые попали, вѣдь имъ нужды нѣтъ до бѣдняковъ.

— А все равно, паря: дальше города не уѣдутъ, быть можетъ; такъ хоть прогоны просить не будутъ, а то въ прошломъ году выбрали изъ „небогатыхъ“, такъ они суточныхъ по 5 рублей съ общества-то запросили, а гдѣ ихъ, по нынѣшнимъ временамъ, денежки то, возьмешь!

Звѣздочка.

СПБургъ. Окончательно рѣшено, въ случаѣ не выполненія условій поставки хлѣба г. Лидвалемъ, наложить арестъ на всѣ его клозеты, и обратить ихъ въ доходъ казны.

Противъ такой мѣры заявилъ протестъ г. Гурко, утверждая, что клозеты, какъ предметъ первой необходимости, конфискованы быть не могутъ.

Въ кабинетѣ тюменскаго «благодѣтеля».

Андрей Іоновичъ Орангутнговъ, мѣстный толстосумъ и „благодѣтель“, сидитъ въ своемъ кабинетѣ и считаетъ барыши... Входитъ дѣвушка окончившая въ прошломъ году гимназію...она ищетъ мѣсто кассирши.....

Увидя передъ собой хорошенькое личико, физіономія „благодѣтеля“ расплывается и масляные глазки скользятъ по юной фигурѣ и какъ-бы стараются приникнуть сквозь матерію.

„Вамъ что-съ прикажите?!“ привстаетъ онъ навстрѣчу.

„Я относительно мѣста къ вамъ, Андрей Іоновичъ, хотѣла-бы приказчицей или кассиршей. Положеніе безвыходное, мать больна“.

„Кассиршей...кассиршей?! можно-съ!“ А, ей Богу, она будетъ не послѣднимъ цвѣткомъ въ моемъ букетѣ...только вотъ грудь низковата, ну да поправится!....

„Какъ-же съ, какъ-же съ...мѣсто есть, для хорошей дѣвушки у меня всегда мѣсто найдется! Только....у меня ужъ такое правило....жить у меня и чтобъ на счетъ всего прочаго мнѣ препятствія съ вашей стороны не было съ!....

Не опытная просительница отъ предложенія „благодѣтеля“ отказалась....

А Андрей Іоновичъ подыскиваетъ себѣ новую кассиршу....

Ужасный шалунъ этотъ Андрей Іоновичъ!....

Н. Фертъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРАВЛЕНІЕ

Акціонернаго Общества спичечныхъ фабрикъ

Ворожцова и Логинова

ВЪ ЕКАТЕРИНВУРГѢ

имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію въ 30-й день декабря 1906 года означенному Обществу присвоено новое наименованіе:

СПИЧЕЧНОЕ АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„ВАСИЛІЙ ЛОГИНОВЪ“.

МАГАЗИНЪ БР. АГАФУРОВЫХЪ

Клеенка, скатерти, полоски и плято.

г.г. Екатеринбургъ, Пермь и Тюмень.

Продолжается подписка на 1907 годъ

на ежедневную (исключая дней послѣ праздниковъ) политическую, общественную и литературную газету

„УРАЛЪ“

(годъ изд. одиннадцатый), выходитъ въ г. Екатеринбургѣ.

Нашъ девизъ,—какъ девизъ партіи **Мирнаго Обновленія**—**безсословность и равенство на почвѣ свободъ, всеобщее безплатное начальное образованіе, подоходный прогрессивный налогъ, надѣленіе крестьянъ землею, отдѣленіе церкви отъ государства** и водвореніе въ ней начала соборности.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 6 рублей, на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 руб., на одинъ мѣсяцъ 70 коп. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му августа 2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1907 ГОДЪ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„Уральскій край“

газету политическую, общественную и литературную, выходящую въ г. Екатеринбургѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

«Уральскій Край» является областнымъ органомъ Урала и близъ лежащихъ мѣстностей Пермской Тобольской, Уфимской и Оренбургской губерній. «Уральскій Край ставитъ своей задачей по возможности полно отражать общегосударственную жизнь Россіи и отзываться на важнѣйшіе политическіе и общественные вопросы дня—ввиду чего размѣръ газеты значительно увеличенъ.

Политическая, общественная и экономическая программа изданія остается безъ измѣненія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ—6 руб., на полгода—3 р. 50 коп., на три мѣсяца—2 руб., на 1 мѣсяцъ—70 коп. Подписная плата нѣсколько повышена въ сравненіи съ прежнимъ годомъ въ виду обнаружившейся необходимости значительно увеличить размѣръ газеты.

Разсрочка подписной платы для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 сентября 2 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, уг. Покровскаго пр. и Тихвинской улицы, д. Бархина.

Редакторъ **А. М. Спасскій.**

Т-ый Д-мъ „Бр. Корольковы“

Имѣются всѣ сорта Сибирской мороженой рыбы и зернистой икры.

Матеріалы для будущей исторіи.

(Копія).

Предписаніе.

Начальнику Свирѣпствующаго отряда.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, крамольники ушли въ предѣлъ недосягаемости и даже сомнительно, были-ли они вообще. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что нервное возбужденіе, охватившее чиновъ ввѣреннаго Вамъ отряда, не прекращается, предписываю Вашему Превосходительству очистить бывшій рабочій раіонъ, руководствуясь данными мною лично указаніями. Подтверждаю при семъ, что достиженіе полнаго успокоенія возможно лишь при нелицепріятномъ избіеніи всѣхъ обывателей, не исключая женщинъ и дѣтей, дабы такимъ образомъ предоставить населенію возможность тихой встрѣчи любвеобильнаго праздника Рождества Христова.

Генералъ-губернаторъ (подпись).

СПѢШНО ТРЕБУЮТСЯ въ контору Бр. Колмаковыхъ служащіе „шпіоны“. Особое предпочтеніе солиднымъ, темно-бураго коллера, такъ какъ отъ хозяина держатъ это въ секретѣ, то просимъ обращаться лично къ бухгалтеру. Пріемъ по праздникамъ. Тамъ же требуются, спеціалисты для устройства вентиляціи.

1000000 пудовъ сала требуется для кухни Пермскаго Общественнаго Собранія.

Издатель *В. С Мутныхъ.* Редакторъ *В. С. Мутныхъ.*

Печать Т-ва Печатнаго Дѣла Вурмъ, Тихоновъ и Сынъ.